

Майя Кучерская
Профетизм Некрасова

1.

Среди множества мотивов поэзии Н. А. Некрасова существует один, которому до сих пор не уделялось должного внимания — мотив предсказания. Между тем он один из ключевых в некрасовском творчестве, и рассмотрение его в литературном контексте предшествующей и современной Некрасову эпохи, равно как и фольклорных текстов, представляется нам чрезвычайно продуктивным, так как позволяет точнее прописать генезис поэзии самого автора «Кому на Руси».

Роль предсказателя Некрасов берет на себя неоднократно: во многих стихотворениях он рассказывает своим персонажам о том, что им предстоит пережить в будущем, причем, пророчит, как правило (за небольшими исключениями), сплошь бедствия — нравственное падение, жестокого мужа, злую свекровь, нищету и т. д.

Некрасовские предсказания можно разделить на две условные группы. Первая описывает «долюшку женскую» — семейную жизнь, которая ожидает девушку или уже невесту: таковы «Тройка» (1846), «Свадьба» (1855), «Гадающей невесте» (1855), отчасти «Знахарка» (1860) — в этом стихотворении печальное будущее предсказывается и молодой девице и ее возлюбленному. Вторая группа представляет собой пророчества младенцу или мальчику: «Колыбельная песня (Подражание Лермонтову)» (1845), «Школьник» (1856), «Песня Еремущке»

© Maya Kucherskaya, 2013

© TSQ № 46. Fall 2013

Пользуюсь случаем поблагодарить за ценные советы М. С. Макеева и Р. Г. Лейбова.

(1859), «Калистрат» (1863) и здесь тематический диапазон несколько шире, так как колеблется от крайне пессимистических и уничтожительных для адресата прогнозов до вполне благополучных — впрочем, редкие проявления оптимизма всегда имеют отчетливые идеологические причины, которые мы обсудим ниже.

Отметим, что мотив предсказания в усеченном виде встречается далеко не только в названных стихотворениях Некрасова, но и в ряде других (ср. «Сомнение» (до 1840), «Маша» (1855), «Несчастные» (1856), «Наконец не горит уже лес» (1868) и т. д.) — все они заслуживают отдельного изучения; в данной статье мы ограничимся лишь теми стихотворениями, где мотив предсказания является сюжетообразующим. Для удобства будем называть их *стихотворения-предсказания*.

Стихотворения-предсказания в обеих обозначенных нами группах строятся по сходной схеме: тезис/антитезис. Сначала набрасывается оптимистический сценарий, который, впрочем, сейчас же опровергается, и вскоре совсем иные, мрачные картины совершенно заслоняют первоначальные предположения. Выразительной иллюстрацией этого риторического приема является, например, «Тройка»:

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживёшь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...

Пророчит Некрасов своему адресату жизнь, напоминающую праздник, но сейчас же возражает сам себе:

Да не то тебе пало на долю...
За неряху пойдешь мужика...

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,

Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть (1, 42—43)¹.

Похожим образом разворачивается и сюжет «Гадающей невесты» (1855). В начале герой-повествователь готов допустить, что невеста выйдет замуж за человека «с сердцем», а значит, может рассчитывать на счастливую жизнь:

Я могу сказать и без гаданья:
Если сердце есть в его груди —
Ждут тебя, быть может, испытанья,
Но и счастье будет впереди... (1, 175)

Однако даже такое трудное счастье оказывается призрачно и в итоге маловероятно: далее следуют предположения совсем иного рода и невесте предсказывается весьма печальное будущее.

Не из тех ли только он бездушных,
Что в столице много встретишь ты,
Одному лишь голосу послушных —
Голосу тщеславной суеты?
Если так — плоха порука счастьем!
Как бы чудно ты не расцвела,
Ни умом, ни красотой, ни страстью
Не поправишь рокового зла.

Он твои пленительные взоры,
Нежность сердца, музыку речей —
Всё отдаст за плоские рессоры
И за пару кровных лошадей! (1, 175)

¹ Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах. Том первый. Стихотворения 1838—1855 гг. Л., Наука, 1981. Здесь и далее ссылки на Некрасова даются по этому изданию, в скобках указывается номер тома и страница.

Возможное счастье и в «Тройке», и в «Гадающей невесте» описывается бегло, общо, между тем как все будущие невзгоды предстают в тяжелых, уточняющих деталях — упоминается и «передник», который изуродует красавицу, и «плоские рессоры», и «пара кровных лошадей». Картины несчастья в обоих стихотворениях недаром размещаются в конце — подобное положение в тексте придает им статус бесспорного утверждения.

В стихотворении «Свадьба» описание семейного счастья редуцируется уже до предела: отметив, что «парень-ремесленник» все-таки женился на девушке, ждущей от него ребенка («Волей ли, нет ли, он дело поправил —/Бог не без милости — ты спасена...»), Некрасов тут же переходит к разъяснению, что ей в этом замужестве предстоит — разумеется, кошмары:

Ждет тебя много попреков жестоких,
Дней трудовых, вечеров одиноких:
Будешь ребенка больного качать,
Буйного мужа домой поджидать,

Плакать, работать — да думать уныло,
Что тебе жизнь молодая сулила,
Чем подарила, что даст впереди...
Бедная! лучше вперед не гляди! (1, 143)

В «Знахарке» мрачное будущее обретает уже универсальный характер. Здесь также присутствует пара двух влюбленных, но соединять свои судьбы им, по мнению колдуньи, конечно, не следует.

Ждёт: у колдуньи была уж девица,
Любо взглянуть — молода, полнолица.

Рядом с ней парень — дворовый, кажись.
Знахарка девке: «Ты с ним не вяжись!

Будет твоя особливая доля:
Милые слёзы — и вечная воля!»

Дрогнул дворовый, а ведьма ему:
«Счастью не быть, молодец, твоему...

Всё говорить?» — «Говори!» — «Ты зимою
Много потерпишь, дойдёшь до запою,

Будешь небритый валяться в избе,
Чёртики прыгать учнут по тебе,

Станут глумиться, тянуть в преисподню:
Ты в пузырьёчек наловишь их сотню,

Станешь его затыкать...» (2, 80)

Несчастья, беды, болезни в этом стихотворении превращаются в непреложный закон, inferнальное начало побеждает всякую жизнь и надежду, «роковое зло» оказывается неодолимо.

Похожей логике подчиняются и стихотворения-предсказания второй группы, обращенные к совсем юному адресату. Первой в этом ряду была написана «Колыбельная песня (Подражание Лермонтову)» (1845) — стихотворение, которое очевидно и задало матрицу (тезис/антитезис) для последующих стихотворений-предсказаний, несмотря на то, что «светлая» часть в «Колыбельной песне» элиминирована. Ее отсутствие, однако, можно уподобить грамматическому «нулевому окончанию», оптимистическая часть представлена в стихотворении имплицитно: все хорошее, что может случиться с младенцем, подробно описано в «Казачьей колыбельной песне» Лермонтова, которой и «подражает» Некрасов («Сам узнаешь, будет время, / Бранное житье; / Смело вденешь ногу в стремя / И возьмешь ружье. (...) Богатырь ты будешь с виду / И казак душой / Провожать тебя я выйду — / Ты махнёшь рукой...»²). Повторять добрые слова снова нет смысла, и Некрасов пророчит своему младенцу другое — не сказки, а «правду» — то есть не смелость и благородство, а подлость и воровство.

² Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. — Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1989. Т. 2. С. 26–27.

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!
<...>
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю (1, 17—18).

В «Песне Еремушке» (1859), у которой столь очевидного претекста нет, композиция также двухчастна, однако здесь Некрасов сталкивает не «сказки» матери, поющей колыбельную, и «правду» скептически настроенного рассказчика, а нянины представления об истинном благополучии («В люди выдешь, всё с вельможами / Будешь дружество водить, / С молодницами пригожими / Шутки вольные шутить» (2, 65)) и понимание счастья лирическим, близким автору героем. По его убеждению, счастье обусловлено любовью и служением знаменитой триаде:

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую,
К угнетателям вражду

И доверенность великую
К бескорыстному труду» (2,66).

В этом пронизанном узнаваемой радикалистской идеологией стихотворении, условием счастливой жизни оказываются установка на освобождение от «пошлого опыта» отцов и соответствующие «правильные» взгляды. Но и это стихотворение завершается на печальной ноте, счастливым не быть и Еремушке, который, во-первых, *не слышит* ничего из того, что напевает ему путник, поскольку во время его смелых пророчеств крепко спит, во-вторых, проснувшись, снова окунается в песню няни-кормилицы.

Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

И тогда-то...» Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою... (2, 66)

С «Колыбельной» (1845) и «Песней Еремушке» (1859) перекликается и более позднее стихотворение «Калистрат» (1863). Здесь также обыгрывается ситуация колыбельной, которую в данном случае, как в «Казачьей колыбельной песне» Лермонтова, поет младенцу мать: «Надо мной певала матушка, / Колыбель мою качаючи: / «Будешь счастлив, Калистратушка, / Будешь жить ты припеваючи!» Ее пожелания представляют собой оптимистический сценарий, которому, впрочем, несмотря на ироническое утверждение Калистратушки («И сбылось по воле божией / Предсказание моей матушки...») реализоваться естественно не суждено:

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,

Урожаю дожидаяся
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носит лапти с подковыркою!.. (2, 151)

Из ряда предсказаний, пророчащих не много доброго, выпадает стихотворение «Школьник»: его адресат, крестьянский мальчик, идущий в школу, из иллюзорного пространства пожеланий на туманное будущее, гаданий, песен, снов, перемещается в реальное. Лирический герой видит его: мальчик в реальности шагает с катомкой и книжкой в школу, в реальности встает на путь просвещения. И потому счастливое будущее («Не без добрых душ на свете — / Кто-нибудь свезет в Москву, / Будешь в университете — / Сон свершится наяву!» (2, 35)), начертанное ему лирическим героем, на этот раз не отрицается, не высмеивается, так как отчасти уже и осуществилось, первый шаг навстречу ему уже сделан. Вера в будущее, достаточно далекое, чтобы надежды на благие изменения в жизни народа успели осуществиться, объединяет «Школьника» с общими умонастроениями в кругу демократически настроенной интеллигенции конца 1850-х, с общей устремленностью в будущее и обсуждением скорых перемен «шестидесятниками», «торопившими историю»³.

2. Источники: колыбельные

Насколько нам удалось выяснить, мотив предсказания весьма скудно представлен в поэтической традиции — как предшествующей, так и синхронной Некрасову — об этом

³ Егоров Б. Ф. Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. СПб.: Летний сад, 2009. С. 298. Ср. также воспоминания Д. Н. Новицкого, относящиеся к концу 1850-х о «пророчестве певца», собственно Некрасова, заговорившего о будущем России и связывавшего с наступлением нового царствования большие надежды (Воспоминания Д. Н. Новицкого о Чернышевском и Добролюбове. Из далекого минувшего (Литературное наследство. Т. 67. — М., 1959. — С. 104—105).

еще будет сказано подробнее в следующей части статьи. Тем интереснее и сложнее выявить источники этого мотива.

Самым естественным кажется сравнение стихотворений, в которых воспроизводится речевая ситуация пения колыбельной, с оригинальными фольклорными колыбельными, а учитывая декларативное обращение Некрасова к фольклорным источником, ставшее предметом многочисленных исследований⁴, путь этот представляется особенно соблазнительным. Вместе с тем нельзя не учитывать, что основной корпус стихотворений-предсказаний создавался Некрасовым в период с середины 1840-х и до начала 1860-х годов. В этот временной промежуток народные колыбельные (в отличие от песен другого типа) и в фольклорных сборниках и в журналах публиковались крайне ограниченно⁵; по-видимому, долгое время они вообще не считались заслуживающими внимания, к тому же для записи колыбельных, чаще всего импровизированных, требовалась специфическая ситуация (мать и дитя, няня и дитя) — так что колыбельные песни стали достоянием более поздних фольклорных сборников, относящихся ко второй трети и концу XIX века. Следовательно, в 1840-е—1860-е годы Некрасов, возможно, не читал публикаций колыбельных, слишком уж мало их было. Хотя чтобы знать тексты колыбельных, в этих публикациях он не так и нуждался. Выросший в отцовском имении в сельце Грешнево, не раз сопровождая отца, исполнявшего должность исправника, в поездках по деревням⁶, Некрасов прекрасно знал народный быт, и колыбельные, скорее всего, слышал неоднократно, причем не только в

⁴ Назовем лишь несколько на сегодняшний день хрестоматийных работ: Чуковский К. И. Мастерство Некрасова — Чуковский К. Собрание сочинений в 15 т. М., Терра — Книжный клуб, 2005. Т. 10; Шамориков И. Некрасов и фольклор — Творчество Некрасова. Сб. статей. Под ред. А. М. Еголина. М., 1939, стр. 88—117. (Труды МИФЛИ. Т. 111); Андреев Н. Фольклор в поэзии Некрасова — «Литературная учеба», 1936, № 7; Прийма Ф. Я. Н. А. Некрасов — Русская литература и фольклор: вторая половина XIX в. / Ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1982. С. 231—255.

⁵ Среди самых ранних публикаций колыбельных: Сахаров И. П. Песни русского народа. Ч. 4. СПб. 1839. С. 402—406; Бессонов П. Детские песни. М., 1868. С. 1—6.

⁶ Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова в трех томах. СПб.: Наука, 2006. Т. 1. 1821—1855. С. 26.

этих путешествиях, но и в родительском доме — от нянек младших братьев и сестер (всего в семье родилось 13 детей, Некрасов был третьим, до взрослого возраста дожили трое). Тексты народных колыбельных, вероятнее всего, были впитаны им из воздуха, с самых юных лет — из этого и будем исходить.

Некрасовские стихотворения-предсказания с колыбельными сближает в первую очередь тема будущего. Многие фольклорные колыбельные включали упоминание или рассказ о будущем младенца — как правило, будущем героическом. Колыбельные описывали военные подвиги сегодняшнего младенца, но завтрашнего воина — на подобные варианты опирался, очевидно, и Лермонтов в «Казачьей колыбельной песне»⁷. В других вариантах колыбельные предсказывали младенцу не бранную славу, а материальное благополучие.

Выростешь большой,
Будешь в золоте ходить:
Будешь в золоте ходить,
Чисто серебро носить.
Чисто серебро носить,
Златом-серебром дарить⁸.

Предсказание злата-серебра, кстати, уже к 1840-м годам давно превратилось в топос, используемый и в авторской лирике (Ср. «Спящая царевна» (1831) В. Жуковского: «Пили, ели, а потом, / Хлебосольного царя / За прием благодаря, / Стали дочь его дарить:/ «Будешь в золоте ходить; / Будешь чудо красоты; / Будешь всем на радость ты»⁹).

Особый интерес в связи с некрасовскими стихотворениями-предсказаниями представляют и так называемые «смерт-

⁷ Примеры героических колыбельных см. в сборнике Сахарова «Песни русского народа». С. 402—406.

⁸ Бессонов П. Детские песни. С. 1. См. также Авдеева Е. А. Из воспоминаний — Отечественный записки, 1849. Т. 63. С. 240—246.

⁹ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Яз. рус. Культуры, 1999—... Т. 4. Стихотворные повести и сказки. — 2009. С. 88—89.

ные колыбельные», включающие в себя открытое пожелание младенцу смерти.

Бай-бай да люли!
Хоть сегодня умри.
Завтра мороз,
Снесут на погост.
Мы поплачем, повоем,
В могилу зарое¹⁰.

Фольклористы интерпретируют «смертные колыбельные» по-разному: одни считают, что младенцу предлагается умереть в буквальном смысле, и объясняют эту кровожадность тяжелыми экономическими и бытовыми условиями жизни крестьян¹¹, по мнению других, пожелание смерти в колыбельных несет функцию оберега, то есть напротив, призвано сохранить младенца от болезни и смерти¹². Высказывались и соображения о том, что уничтожению подлежит не сам младенец, а «чужое внутри младенца»¹³, тот чуждый дух, который мучает его. И хотя все эти точки зрения представляются допустимыми и даже взаимодополняющими, непосредственная функция «смертных колыбельных» в быту не столь существенна для данного исследования, для нас принципиально лишь появление в колыбельных темы смерти. «Смертные колыбельные», в XIX веке широко распространенные¹⁴, могли запрограммировать тему смерти и в стихотворных предсказаниях

¹⁰ Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1898. С. 10. Цит. по Детский поэтический фольклор: Антология / Сост. А. Н. Мартынова. СПб., 1997. С. 293.

¹¹ Померанцева Э. В. Детский фольклор // Русское народное творчество. М., 1966. С. 297; Мартынова А. Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор. Вып. XV. Л., 1975. С. 145–155;

¹² Аникин В. П. Начало всех начал -- Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Младенчество. Детство. М., 1991. С. 5–6.

¹³ Туминас Д. К вопросу о функции смертной колыбельной песни (сайт «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» — <http://www.ruthenia.ru/folklore/tuminas1.htm>).

¹⁴ Детский поэтический фольклор: Антология (сост., вступ. ст. А. Н. Мартынова). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997 (раздел «Колыбельные»).

Некрасова. В предсказаниях, обращенных и к младенцу, и к невесте, он также мог описать смерть адресата: «Заживешь — и мирно, ясно / Кончишь жизнь свою... / Спи, чиновник мой прекрасный! / Баюшки-баю» («Колыбельная песня», 1, 18); «И схоронят в сырую могилу, / Как пройдёшь ты тяжёлый свой путь...» («Тройка», 1,43)¹⁵. Допустимо предположить и другое: именно предсказание в колыбельных могло послужить источником этого мотива и в других стихотворениях Некрасова. Он предсказывает будущее девушке на дороге, потому что уже освоил эту форму беседы с адресатом в «Колыбельной песне».

На вероятное знакомство Некрасова с традицией «смертных» колыбельных, соединяющих мотивы смерти и сна, указывает и позднее стихотворение поэта «Баюшки-баю» (1877). Умиравшему герою слышится голос баюкающей его матери, желающей сыну вечного сна, который и принесет ему долгожданное успокоение от страданий: «Пора с полуденного зноя! / Пора, пора под сень покоя; / Усни, усни, касатик мой!»

Занятно, что описывая вечное упокоение, которое ожидает сына за гробовой доской, мать обещает ему довольно необычные райские виденья:

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!
<...>
Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей

¹⁵ Отметим попутно, что регулярно появляющийся в «смертных» колыбельных образ отца с гробиком, также мог послужить источником для Некрасова. Ср. «Бай да побай, / Хошь сегодня помри, / Татка с работки / Гробок принесет, / Бабушка у свечки / Рубаху сошьет, / Мамка у печки / Блинов напекет, / Будем истъ, поедать/ Да и Марью поминать» — Детский поэтический фольклор. С. 293). У Некрасова в стихотворении «Гробок», входящем в цикл «На улице» (1850): «Вот идёт солдат. Под мышкою / Детский гроб несёт, детинушка. / На глаза его суровые/Слёзы выжала кручинушка. // А как было живо дитяtko, / То и дело говорилось: / «Чтоб ты лопнуло, проклятое!/Да зачем ты и родилося?» (1, 78).

Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!...» (3, 203—204)

Посмертная участь героя прямо связывается с его посмертной литературной судьбой. Христианская мифология смерти оказывается перекодирована: прощение и любовь герой получает не от Бога, но от родины. «Вечная память», которую желают усопшему в христианской православной традиции, у Некрасова обретает вполне земной и совершенно конкретный смысл: память о поэте сохранится, потому что «песенки» его будут петь «над Волгой, над Окой, над Камой». В рамках материнской колыбельной вставляются размышления о будущем не только самого поэта, но и его родины. Мать предсказывает ей светлое будущее («уступит свету мрак упрямый») — очевидно, «свет» здесь используется в просветительском значении слова, как синоним той самой свободы, гордости, или чувства собственного достоинства, и счастья, о котором мать пророчила выше: «Свободной, гордой и счастливой / Увидишь родину свою». И то обстоятельство, что разработанный еще в 1840-е—1850-е годы мотив предсказания оказался актуален и для одного из последних программных стихотворений Некрасов, как кажется, подчеркивает ключевое значение этого мотива для его поэзии.

Помимо тематических переключек некрасовские предсказания сближает с предсказаниями фольклорными, звучащими в колыбельных, образный, отчасти и сюжетный ряд. «Сырая могила», красавица, погубленная мужем или свекровью, Некрасов мог заимствовать эти образы из других, не колыбельных песен — в первую очередь, из народных баллад. Большая часть баллад о семейной жизни, посвященных отношениям мужа, жены, свекрови — трагичны¹⁶. Существенно и

¹⁶ Ср. баллады о муже, убивающем жену (см. например, «За речкою, за быстрою живет мужик Марко...»; «Одна была песня...»; «За озерье, да во

то, что народной балладе свойственна атмосфера недобрых предчувствий, предзнаменований: ср. «Дмитрий и Домна», «Князь Роман и Марья Юрьевна», «Муж убил жену», «Жена князя Михаила тонет», в которых герои так или иначе, через спотыкающегося коня, восшедшую звезду или иной тайный знак, были заранее предупреждены о грядущих печальных событиях¹⁷.

Некрасов все мистические мотивировки снимает, мистическую атмосферу словно бы впитывает форма предсказания, так как предсказание — акт в общем мистический. Еще одно очевидное расхождение стихотворений Некрасова и народной поэзии — их условное наклонение. Действие некрасовских предсказаний разворачивается в гипотетическом будущем — народная баллада условного наклонения не знает, она описывает события уже свершившиеся, к тому же, разумеется, без подробностей, которыми отличаются стихотворения Некрасова, равно как и без свойственной Некрасову социальной подоплеки. Названные различия сигнализируют о том, что хотя фольклорные тексты, и колыбельные песни, и народные баллады, очевидно повлияли на некрасовские предсказания, они были далеко не единственным его источником.

3. Источники: литературная баллада

Как уже сообщалось выше, в предшествующей и современной Некрасову поэзии мотив предсказания практически не представлен. Образчики альбомной поэзии, по закону жанра часто обращавшейся в будущее¹⁸, обычно оставались сторонке...; или о свекрови, губящей невестку — («Князь Михайло», «Рябинка» (Баллады. М.: Русская книга, 2001. Серия «Библиотека русского фольклора». С. 304—329).

¹⁷ См. Кулагина А. Балладные песни — Баллады. М.: Русская книга, 2001. Серия «Библиотека русского фольклора». С. 12.

¹⁸ Стихотворных пожеланий на будущее в стихах — великое множество, укажем лишь на два, вполне показательных: «Перелетай к веселью от веселья, / Как от цветка бежит к цветку дитя; / Не успевай, за суетой безделья, / Задуматься, подумать и шутя» (Баратынский Е. А. Перелетай к веселью от веселья... — Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений

в границах пожеланий и на роль предсказания не претендовали¹⁹. И тем не менее предсказания Некрасова построены с очевидной опорой на модели, существовавшие в современной ему изящной словесности, в первую очередь, поэзии. В пользу этого свидетельствует не только тот факт, что объектом пародии в его «Колыбельной песне» собственно и стала эта поэзия, но и множество других, менее прямолинейных связей. Портрет героини «Тройки» («Взгляд один чернобровой дикарки, / Полный чар, зажигающих кровь»), окликает длинную череду «дикарок» романтической литературы, «роковое зло» и «пленительные взоры» в «Гадающей невесте», ясно свидетельствуют, что профетический дискурс Некрасова напрямую зависим от русского романтизма, причем самых расхожих его образов и схем.

Можно предположить, что литературной мотивировкой предсказаний являются именно романтические представления о поэте. Некрасов убежденно пророчит своим героям, позволяя себе даже явные бестактности, по высокому праву поэта-избранника, поэта-пророка, причем особенно усиливает гражданское измерение назначения поэта, опираясь на риторику политической лирики декабристов: ср. у Кюхельбекера: «Восстань, певец, пророк Свободы!», а также «Их зрела и святая Русь — / Певцов и смелых и священных, / Пророков истин возвышенных!»²⁰.

(серия «Новая библиотека поэта»). СПб.: Академический проект, 2000. С. 87); «О! Будьте всегда таковы; процветайте / Спокойно, и делайте дело свое, / Земная прелестная роза: вплетайте / Небесные розы в земное житье!» (Языков Н. М. Кн. С. П. Голицыной — Языков Н. М. Полное собрание стихотворений. М. — Л.: Academia, 1934. С. 318).

¹⁹ Отметим, кстати, что стихотворение В. А. Жуковского с заманчивым для нашей темы названием «Предсказание» (1838) при жизни автора, как и при жизни Некрасова, не публиковалось (Жуковский В. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. С. 305) и примыкает скорее к стихотворному альбомному пожеланию, а потому оставим его за пределами исследования.

²⁰ Кюхельбекер В. К. Избранные произведения в двух томах. М.: Советский писатель, 1967. Т. 1. С. 158; С. 132 (курсив — наш).

«Всевидец душ, пророк сердец», позволим себе вновь воспользоваться определением Кюхельбекера, ясно различает, что предстоит тем, на кого устремлен его взор²¹, в случае с поэзией Некрасова зоркость поэта обретает и особый социально-политический фокус²²: беды, предстоящие в скором будущем его адресатам — невестам и младенцам — обусловлены не столько изъянами человеческой природы, сколько несовершенствами политической системы и общественного устройства России.

Итак, эксплицитно отвергая романтические представления о поэте, декларируя отказ от них («И поэтом, баловнем свободы, / другом лени не был никогда» — 1, 162), Некрасов тем не менее исходит из вполне романтических взглядов на поэта, в соответствии с которым поэт — избранник, допущенный в иные сферы, а поэтому способен прозреть скрытое от взгляда обычных людей.

Связь некрасовских предсказаний с ключевыми элементами романтической поэзии этим не исчерпывается. Вполне возможно, что интерес Некрасова к образу молодой девушки,

²¹ Ср. также «Приношение» В. А. Жуковского, адресованное Гете и выводящие формулу истинного поэта в представлениях автора: «Тому, кто *арфою* чудесный мир творит! / Кто таинства *покров* с Создания снимает, / Минувшее животворит / И будущее предрешает!» — Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. С. 251. Поэт здесь не просто «предсказывает» (именно таким образом Жуковский перевел текст на французский — см. там же, с. 634), но и, согласно оригиналу, определяет, каким этому будущему быть.

²² Мотив предсказания положен и в основу стихотворения «Предсказание» (1830) Лермонтова, описывающего грядущую политическую реальность: «Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет...»; ср. также в «Думе»: «Его грядущее иль пусто иль темно, под бременем познания и сомненья в бездействии состарится оно». Впрочем, в данном случае сходство между Лермонтовым и Некрасовым представляет интерес скорее типологического свойства, так как «Предсказание» было впервые опубликовано только в 1862 году («Стихотворения М. Ю. Лермонтова, не вошедшие в последнее издание его сочинений». Берлин, 1862. С. 19), но совпадение это, конечно, не случайно: о влиянии лермонтовской поэтической системы на Некрасова см. В. В. Гиппиус. Некрасов в истории русской поэзии XIX века — Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.—Л., 1966. С. 248—256.

стоящей на пороге замужней жизни, в особенности к «гадающей невесте», восходит к балладам Жуковского. Его влияние на Некрасова многократно обсуждалось, начиная с классической работы Ю. Н. Тынянова, заканчивая сегодняшними исследованиями²³, но в аспекте актуальном для нашей работы это влияние пока не рассматривалось.

В балладах Жуковского влюбленные также, как позднее и у Некрасова, как правило, не могут быть счастливы (ср. «Ленора», «Людмила», «Алонзо», «Алина и Альсим»); роковые обстоятельства почти неизбежно разрывают «союз сердец». Героиня самой знаменитой баллады Жуковского Светлана, которая увидела гроб возлюбленного во сне, но затем все же встретила его наяву — одно из немногих счастливых исключений. Оставим сейчас в стороне биографическое толкование этой постоянно воспроизводящейся схемы — трагическая любовь Жуковского к Маше Протасовой-Мойер, ставшая, по выражению Жуковского «сюжетом единого комплекса его произведений, сюжетом его бессюжетной лирики»²⁴ изучена достаточно и к тому же вряд ли имела большое значение для Некрасова.

Однако сам мотив невозможности счастья, неосуществимости надежд на него, столь развернуто представленный в поэзии Жуковского, вероятнее всего, для Некрасова был значим. Хотя влияние его могло быть не прямым, а опосредованным — так как мотив этот встречается, разумеется, не только в поэзии Жуковского. Смерть девушки во цвете лет, ее траги-

²³ Тынянов Ю. Н. Стиховые формы Некрасова (1921) — Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 18—27; Немзер А. С. Канон Жуковского в поэзии Некрасова — Немзер А. С. При свете Жуковского. М.: Время, 2013. С. 522—545. См. также Прохоров Ю. М. Меланхолическая традиция: поэтический диалог Дж. Мильтона, В. А. Жуковского, Н. А. Некрасова, Смирнов С. В. В. А. Жуковский и Н. А. Некрасов: неповторимые повторения — Карабиха: историко-литературный сборник (под ред. Пайкова Н. Н.). Ярославль: Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха». Вып. 6. С. 17—23; 24—34.

²⁴ Жуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М.: Художественная литература, 1965. С. 142.

ческая судьба, сложившаяся так по вине родных, роковых обстоятельств или по причинам, которые остались за пределами текста — тема, широко распространенная в поздней романтической поэзии 1830—1840-х²⁵ годов, это «общее место». Нередко мотив ранней смерти соединялся с мотивом тайной любви (ср. «Сердца, разрозненные роком, / Сойдетесь вы в краю ином! / Конец всем распрям, всем упрекам, / Она в приюте гробовом!»)²⁶.

Весьма вероятно, что именно романтические представления об обреченности подлинной страсти, истинной любви послужили для Некрасова отправной точкой в построении его предсказаний. Не исключено, что Некрасов отказывает своим невестам в семейном счастье, пророча им существование равносильное смерти вслед за Жуковским и другими поэтами романтической школы. Но неосуществимость счастья в некрасовских стихотворениях обретает социальное объяснение: там, где у романтиков царит рок или пошлость окружающего мира у Некрасова оказывается несправедливое социальное устройство в России. Но существуют и более глубокие различия с романтической системой взглядов.

Саму попытку Некрасова переместиться из реального пространства в иллюзорное, в область предположений и неясного будущего можно рассматривать как результат взаимодействия с ключевым романтическим принципом двоемирия. Но если в романтической поэзии мир мечты, мир феноменальный маркировался как гармонический и идеальный по сравнению с миром ноуменальным, то у Некрасова все мечты

²⁵ См. Ключников И. На смерть девушки (Современник, 1840. Т. 17. № 1. С. 129—130), Огарев Н. П. Она никогда его не любила... (Отечественные записки, 1842, № 3. С. 270), Красов В. И. Не пышный катафалк раскинут над тобою... (цикл «Мелодии») — Отечественные записки, 1841. Т. 18. № 10. С. 346) Даргомыжский М. Тоска матери — Библиотека для чтения, 1837. Т. 21. С. 112—114; Траум. Воспоминание (из Ламартина) — Библиотека для чтения, 1838. Т. 29. С. 7—11 и т. д. Любопытно также стихотворение С. Степанова «Грусть невесты» (Библиотека для чтения, 1840. Т. 43. С. 7—8), рассказывающего не о смерти девушки, но о ее непонятной печали перед свадьбой.

²⁶ Раstopчина Е. Как жаль ее! — Современник, 1840. Т. 19, № 7, С. 189.

разбиваются о прозу жизни, реальность точно бы жестоко иронизирует над «сказкой», полностью девальвируя ее, и в этом отношении некрасовские стихотворения-предсказания — резко полемичны по отношению к романтической системе ценностей.

Итак, опираясь на фольклорные и литературные источники Некрасов в результате создал свою оригинальную поэтическую модель, ритмически и содержательно столь эффектную и продуктивную, что вскоре у «Колыбельной песни» нашлось множество подражателей. Среди них И. З. Суриков с «Колыбельной песенкой» (1864): «Спи, отдам тебя в служенье / На гостинный двор, / Там ты кончишь курс ученья, / Станешь ловкий вор»²⁷; в том же ряду — «Колыбельная песня» (1862) П. И. Вейнберга («Спи, редактор знаменитый, / Баюшки-баю! / Я тебе, старик маститый, / Песенку спою»)²⁸, «Песня русской няньки у постели барского ребенка (Подражание Лермонтову)» (1871) Н. П. Огарева («Спи, потомок благородья, / Баюшки-баю. / Я, дитя простонародья, / Песенку спою»)²⁹, анонимное «Мирно спи, торговец хлебный» (1882)³⁰ и т. д. И хотя у Огарева специально указывается, что это «подражание Лермонтову», очевидно, что традиция подражать и пародировать именно это лермонтовское стихотворение, насыщая его актуальными бытовыми и политическими аллюзиями, была заложена Некрасовым. «Тройке» подражали, как кажется, несколько в меньшей степени³¹, хотя возможно, под-

²⁷ Суриков И. З. и поэты-суриковцы. [Вступ. ст. Е. С. Калмановского], М.—Л., 1966 («Библиотека поэта». Большая серия). С. 74—75.

²⁸ Поэты «Искры». В двух томах. (Библиотека поэта. Большая серия). Л.: «Советский писатель», 1987. Т. 2. С. 277.

²⁹ Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. М.: Советский писатель, 1956. С. 351.

³⁰ Новое время, 1892. № 5471.

³¹ Среди явных подражаний «Тройке» стихотворение И. Никитина «Не вини одинокую долю»: «И ты будешь сносить терпеливо, / Когда злая старуха свекровь / Отвечать станет бранью ревнивой / На покорность твою и любовь; / Будешь глупой бояться золовки, / Пересуды соседей терпеть, / За работой сидеть без умолку / И от тайного горя худеть» — Никитин И. С. Стихотворения. М.—Л.: Советский писатель, 1947 (Библиотека поэта. Ма-

ражания «Тройке» просто носили не столь буквальный характер. В этом отношении любопытно было бы рассмотреть стихотворение Ф. И. Тютчева «Русской женщине» (1848—49), которое воспроизводит логику «Тройки» (1845), опубликованной в «Современнике» в 1847 году³² — учитывая широту читательского кругозора и интересов Тютчева, знакомство его с публикациями ведущего журнала эпохи представляется весьма вероятным. Но подражания «Тройке» и «Колыбельной песне» — предмет отдельного и безусловно перспективного исследования. Сам Некрасов в поздний период творчества почти полностью отказывается от обращения к прежде любимому мотиву и вручает лавры пророка другим литераторам — например, Н. Г. Чернышевскому. Посвященное ему стихотворение Некрасов называет «Пророк» (1874), но возможно, помимо очевидных библейских аллюзий здесь содержится и намек на четвертый сон Веры Павловны в романе «Что делать?».

лая серия). С. 52, а также «Дума» Ю. Жадовской «Скоро очи осветятся думой, / Перестанешь беспечно играть, / И заляжет заботой угрюмой / На лице твоём милом печать» (Жадовская Ю. Стихотворения. СПб., 1858). Подробнее о подражаниях Некрасову, в частности, «Тройке» и «Колыбельной песне» см. Красильников Г. В. Ярославское литературное окружение Н. А. Некрасова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иваново, 2006. С. 14—16.

³² Современник. 1847. Т. I. № 1. С. 91—92.